

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Взаимосвязь онтологии и физики в атомизме Демокрита.

(Визгин В.П.)

содержание

В.П.Визгин

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОНТОЛОГИИ И ФИЗИКИ В АТОМИЗМЕ ДЕМОКРИТА

(на примере анализа понятия пустоты)

<http://filosof.historic.ru/books.shtml>

Атомизм Левкиппа-Демокрита обычно считают, и с веским на то основанием, по преимуществу физической теорией, позволившей дать определенное решение проблемы движения и множественности вещей и тем самым выйти из тупика, в который поставила физику элеатовская онтология. Эта в целом верная оценка атомизма, которую мы разделяем, восходит к Аристотелю (О возн. и уничт. I, 8 325a). Противопоставление атомистов как физиков платоникам как логикам тоже восходит к Аристотелю (О возн. и уничт. I, 2 315b-316a15). Разделяя эту вполне обоснованную позицию, мы бы хотели ее дополнить и показать именно онтологическую значимость основного понятия атомизма (наряду с понятием об атомах) - понятия пустоты (to kenon). Нам представляется, что верный акцент на физико-теоретическом статусе атомистического учения затеняет то обстоятельство, что, как мы стремимся показать, атомизм, несмотря на весь свой "физикализм", сумел усвоить онтологическое измерение логико-философской мысли, открытое школой элеатов и затем продолженное на новом уровне Платоном и Аристотелем. Кардинальные отличия атомизма как физики тел (атомов) от логики идей Платона хорошо известны. Напротив, некоторые сходства или параллели между Демокритом и Платоном изучены гораздо слабее. Поэтому остановимся сначала

Взаимосвязь онтологии и физики в атомизме Демокрита.

(Визгин В.П.)

содержание

В.П.Визгин

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОНТОЛОГИИ И ФИЗИКИ В АТОМИЗМЕ ДЕМОКРИТА

(на примере анализа понятия
пустоты)

<http://filosof.historic.ru/books.shtml>

Атомизм Левкиппа-Демокрита
обычно считают, и с веским на то
основанием, по преимуществу
физической теорией, позволившей
дать определенное решение

проблемы движения и множественности вещей и тем самым выйти из тупика, в который поставила физику элеатовская онтология. Эта в целом верная оценка атомизма, которую мы разделяем, восходит к Аристотелю (О возн. и уничт. I, 8 325a). Противопоставление атомистов как физиков платоникам как логикам тоже восходит к Аристотелю (О возн. и уничт. I, 2 315b-316a15). Разделяя эту вполне обоснованную позицию, мы бы хотели ее дополнить и показать именно онтологическую значимость основного понятия

атомизма (наряду с понятием об атомах) - понятия пустоты (to kenon). Нам представляется, что верный акцент на физико-теоретическом статусе атомистического учения затеняет то обстоятельство, что, как мы стремимся показать, атомизм, несмотря на весь свой "физикализм", сумел усвоить онтологическое измерение логико-философской мысли, открытое школой элеатов и затем продолженное на новом уровне Платоном и Аристотелем. Кардинальные отличия атомизма как физики тел (атомов) от логики

идей Платона хорошо известны. Напротив, некоторые сходства или параллели между Демокритом и Платоном изучены гораздо слабее. Поэтому остановимся сначала именно на этом моменте.

В историко-философских работах многократно и с разных сторон описывалось резкое изменение в характере мышления греков, происшедшее в V в. до н.э. при переходе от досократических "физиков" (hoi phusikoi по Аристотелю) к Платону и затем к Аристотелю. Существует множество ставших трафаретными

схем, объясняющих этот перелом в мышлении. Говорят, например, об изменении социальных и культурных условий, о возникновении в связи с этим антропологической и этической проблематики или об ее изменении, о серьезном вызове со стороны софистического движения и о необходимости дать на него убедительный ответ, указывают нередко и на гносеологические "корни" платонизма с его "гипостазированием" общих понятий, которые к этому времени получили большое развитие и

достигли высокого уровня абстракции. Все эти и многие другие схемы и обстоятельства в какой-то степени действительно описывают развитие греческой мысли в ее социокультурном контексте и частично объясняют его. Однако при шаблонном и некритическом использовании подобных схем история мысли греков невольно модернизируется, так как в нее вносятся такие в принципе чуждые ей категории, как, например, материализм и идеализм, гилозоизм и механицизм и т.п. Правда, давно уже привыкли принимать эти

категории в их отнесении к античности *cum grano salis*. Тем не менее, само их употребление, на наш взгляд, уже затрудняет понимание оригинальности и своеобразия греческой мысли. Поэтому мы постараемся избегать этих выработанных в Новое время категорий истории идей.

Обратимся теперь к сопоставлению в некоторых моментах Платона и Демокрита. Этико-политические и социо-утопические сверхзадачи платоновской мысли несомненны. Ее глубинные связи

преемственности с пифагорейской традицией тоже хорошо изучены. Однако ее связь с другими традициями досократической мысли, на наш взгляд, требует дополнительного прояснения. Досократическая мысль не однородна. Поворотным моментом в ее истории выступила школа элеатов во главе с Парменидом. Именно с него начинается развитие, идущее под знаком выдвинутой им онтологической проблематики. Знаменитые апории его ученика Зенона задели всех мыслящих людей Греции. Практически все мыслители

размышляли над ними и пытались как-то ответить на прозвучавший в них вызов. Нет никакого сомнения, что Платон с полной серьезностью отнесся к Пармениду и к Зенону, что явствует уже из его диалога Парменид, где два знаменитых элейца выступают в качестве его персонажей. Как мы уже сказали, ответить на элеатовский вызов попытались по-своему все крупные мыслители - как досократические (Эмпедокл, Анаксагор, атомисты), так и постсократические (Платон и Аристотель). Несомненно, что постэлеатовское развитие

греческой философии вообще и философии природы, в особенности, стояло под знаком проблематики, впервые выдвинутой элеатами. В этой связи важно оценить отношение досократовской физики к Платону и Аристотелю. Известно, что Аристотель частично реабилитирует некоторые важные мотивы и приемы досократической мысли "физиков". Позитивную же связь с ними Платона увидеть трудно: Платон на них почти совсем не ссылается, напротив, он явно демонстрирует свой радикальный

разрыв с ними (Федон 96-97). Ссылок же на Демокрита у Платона вообще нет, как если бы этот крупный мыслитель, его старший современник, вовсе не существовал. Напротив, по отношению к Пармениду у Платона мы находим глубокое уважение его мысли. Совершенно ясно, что он изучал его философию. Так, например, он впервые всерьез занялся анализом проблемы природного бытия в "Софисте" "в связи с необходимостью опровергнуть учение Парменида о несуществовании небытия:

небытие существует как "природа" иного, т.е. как инобытие"1 .

Обратим внимание на направление критики Платоном Парменида - Платон отстаивает от элеатов принцип существования не-сущего. Небытие, как считает Платон, нельзя считать несуществующим, как полагали элеаты, оно существует, хотя и в особом модусе. Характерно, и на это стоит указать, что Платон отвергает у Парменида тот же самый тезис, что и Демокрит (Демокрит в этом следует за

основоположником античной атомистики Левкиппом).

Присмотримся к этому моменту основательнее. Действительно, основная оригинальность атомистической мысли состояла в том, чтобы в противовес элеатовскому положению о небытии небытия, диктуемому строгостью логического подхода к мыслительным актам, выдвинуть положение о том, что "бытие существует не более, чем небытие" (οὐδὲν μὲν ἔστιν τὸ οὐκ ὄν, οὐδὲν δὲ οὐκ ὄν ἐστιν). Если у Платона небытие существует в порядке

природы "иного", то у Демокрита оно существует как пустота (kenXn). Пустота атомистов - "ничто" (oЩdлн), которое уже не Демокрит, а Аристотель и идущие вслед за ним комментаторы отождествили с "пространством" или "местом" (P tТрој). Принимая сказанное выше во внимание, мы можем сказать, что первичные онтологические структуры природознания у Платона (Тимей) и у Демокрита при всем их глубоком различии, если не контрасте, оказываются сопоставимыми. Действительно, началами понимания чувственно

данного мира у Платона признаются два рода: образцы-идеи и материя-пространство. Следуя традиции немецких истолкователей Платона в прошлом веке, мы привыкли ядро платоновского учения отождествлять с теорией идей, а тем самым приписывать великому греческому философу их "единоначалие" - "объективный идеализм". Однако, как справедливо подчеркивает Ю.А.Шичалин, "во всех античных изложениях философии Платона идея и материя в одинаковой мере суть начала (архе)"² .

При таком видении учения Платона о началах его связь с досократикой в целом и с атомизмом в особенности становится очевидной. Действительно, у Демокрита началами выступают аналогичные "сущности" - не-сущее, существующее как "пустота", и сущее, или атомы, называемые также и "идеями", видимо, самим Демокритом, у которого, кстати, по свидетельству доксографов, было сочинение Об идеях. Прочитируем в этой связи Плутарха: "Что говорит Демокрит?" - спрашивает Плутарх. -

Субстанции бесконечные по числу... Вселенная - это неделимые идеи (те формы - С.Я.Лурье - $tj\dot{y}t\mu o\dot{u}j$ „ $d\lambda a j$), как он их называет" (Против Колота 8)3 . Плутарх не сомневается, что название "идей" для обозначения атомов давалось самим Абдеритом. Аналогичное свидетельство имеется и у Гесихия (ЛД, там же). Видимо, можно согласиться с Лурье, что термин "идея" для атомов был выбран Демокритом ввиду того, что именно форма или "вид" - самое важное и существенное определение атома.

Не разбирая здесь полемику ученых по вопросу о том, взял ли или же нет Платон у Демокрита само наименование "идей" для обозначения своих "начал", укажем только на то, что на такой позиции, признающей подобное заимствование, стоят К.Гёбель и С.Я.Лурье⁴. Виламовиц ничего не говорит о таких заимствованиях Платона, но подчеркивает, что обозначение атомов как "идей" было для Демокрита обычным⁵. С такой позицией несогласен Альфиери, считающий, что весь этот сюжет порожден свидетельством Гесихия, которому,

однако, нет оснований доверять. И в соответствии с этим он допускает, что если наименование "идей" для атомов и было у самого атомиста, то в совершенно случайном и необязательном порядкеб .

Оставляя этот спор без его обсуждения, подчеркнем, что для нас здесь важны только два момента. Во-первых, несомненно, что движения мысли Платона и Демокрита, усвоивших пифагорейскую традицию и отталкивающихся от Парменида и его школы, пересматривая

элеатовский тезис о
несуществовании небытия, в
известном смысле подобны друг
другу, представляя как бы
вариации одного и того же отказа
от характерной для элеатов логики
онтологической мысли. Во-
вторых, для того, чтобы новый
тезис - и у Демокрита, и у Платона
- не противоречил логике с ее
принципом запрета противоречия
(этот принцип составляет основу
рефлексивной мысли, и его полное
осознание мы находим именно у
элеатов), само понятие бытия
должно мыслиться
полисемантически, как единая, но

многоуровневая структура. Подобное вычленение из единого, но внутри себя еще недифференцированного понятия бытия его различных смыслов происходит, кстати, уже у самих элеатов, хотя за миром "мнения" и "возникновения" и отрицается статус бытия. Демокрит же делает решительный шаг в направлении раскрытия сложной структуры онтологических значений или уровней. У него мы можем различить два основных смысла понятия существования (бытия). Это, во-первых, существование в смысле "имеется", причем

подобным онтологическим статусом обладает у него "пустота". И, во-вторых, "существовать" в его учении означает занимать место в пространстве и удовлетворять некоторым характеристикам элеатовского бытия (кроме единства), отличаясь от него многообразием форм и движением. Таким

онтологическим статусом у него обладают только атомы. Структура основных значений бытия у Платона еще сложнее. В Тимее он говорит о трех родах сущего: идеи - материя - чувственно данные вещи

(порядок их у Платона иной: "тождественная идея, нерожденная и негибнущая" - "подобное этой идее и носящее то же имя - осязаемое, рожденное" - "пространство: оно вечно ... но само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения" - Тимей, 52ab)7 .

Вернемся к Демокриту. Вводя в свое учение указанные смыслы понятия существования, Демокрит избегает специальной апории Зенона для места (Аристотель. Физика, IV, 3, 210b 24 и др.), так

как существованием, связанным с местоположением в пространстве, обладают только атомы. Но неужели пустота обладает существованием только в рамках мыслимого "имеется"? Нет, ведь, согласно самим элеатам, утвердившим принцип отождествления мыслимого и сущего, пустота, раз она допущена к мыслимости, обладает и определенным реальным существованием. Тем не менее, это существование отличается от существования самой реальности, каковой в учении Демокрита наделены только атомы. Понятие

реальности здесь явно
раздвоилось, с одной стороны, на
реальность физическую
(существующие в пространстве
тела - атомы) и, с другой стороны,
на реальность бестелесного
чистого пустого протяжения,
лишенного главного признака
телесности - непроницаемости. У
пустоты, кстати, нет и некоторых
других признаков атомов как
"маленьких телец" (Гесихий: атом
- это tX (tm)IcIsJon soma,
мельчайшее тело), а именно у нее
нет формы или облика, вида.
Пустота, правда, как и атомы,
вечна, неизменна, беспредельна по

величине (атомы же беспредельны или бесчисленны не только по числу, но и по форме). Этими чертами, общими для атомов и пустоты, их сходство как начал исчерпывается.

Итак, принципиально важно само раздвоение реальности, причем на самом фундаментальном онтологическом уровне, не в сфере "мнения" (докса), а в сфере именно истинного бытия.

И все же у атомистической пустоты есть еще одно свойство, сближающее ее с телесным бытием (атомы в атомизме):

пустота, как и физическое тело, обладает протяженностью. Именно поэтому комментаторы соответствующих текстов античных авторов, где она упоминается, отождествили ее с пространством. У самого же Демокрита, в отличие от Платона не зависимо от пустоты понятия "пространства" (σιγα) не было. Его пустота лишь впоследствии была проинтерпретирована как пространство. Действительно, пространство - это та категория, которая выпадает из системы парных противоположностей, которую как типичный досократик

принимает Демокрит. Полное - пустое, густое - редкое и т.п. - вот те пары противоположностей, входящие в традицию мышления досократовских "физиков", которые входят и в систему Демокрита. Именно опираясь на них, он вводит в свое учение понятие "пустоты". Однако у него это понятие приобретает не только физическое, но и онтологическое значение. Кстати, отметим, что "беспредельная пустота" атомистов ближе стоит к пифагорейскому понятию "беспредельного" (ὑπε...ρον), соединяющему в себе и пустоту, и

время, и "дыхание" (Аристотель. Физика, IV, 6, 213b 22-27), чем к аристотелевскому "месту" или "пространству".

Подведем краткий итог. Несмотря на свой достаточно радикальный разрыв с досократовской мыслью как дорефлексивной натурфилософией, платоновская философия, на наш взгляд, подключается к тому развитию поздней постэлеатовской досократики, которое в своих логических измерениях продолжается и после Сократа.

Избавиться от противоречий, связанных с телесностью начал, радикально можно было, только избрав нетелесное начало, по крайней мере, утвердив его статус на равных правах с телесным началом. Пусть при этом нетелесное начало и мыслится как своего рода "протяжение" (у Платона, правда, "пространство", или "протяжение", мыслится динамическим началом и в этом смысле совсем непохоже на пассивную материю-протяженность у Декарта). Для идей как нетелесных формообразующих потенций-

образцов не существуют противоречия движения, существующие для "тел". Правда, диалектика элеатов задевает и сферу идей. Но это - диалектика единого и многого, подробно анализируемая Платоном в "Пармениде", которой мы здесь не касаемся (она была специально рассмотрена в упомянутой нами работе П.П.Гайденко - см. цит. соч. С. 145-163). Поскольку апории Зенона были направлены именно против понятия движения, а также против как самого понятия пространства как такового, так и представления о его

непрерывности и дискретности, постольку резонным ответом на них было решение вообще оставить "зыбкую" почву телесности и пространственности, чего последовательно и до конца не сделал и сам Парменид. Кстати, это означало, что разрушительная логика Зенона, его ученика, была и по нему. Но важное решение сбавить по крайней мере накал логических затруднений, вскрытых Зеноном, с помощью выдвижения тезиса о существовании нетелесного бытия особого рода было именно тем самым выбором, по которому пошли параллельно и

Демокрит (раньше), и Платон, который в этом отношении, на наш взгляд, зависел от него, если даже в терминологическом заимствовании ("идеи") мы и можем сомневаться.

Заклучая все это рассуждение, мы бы хотели подчеркнуть, что, на наш взгляд, неверно интерпретировать Демокрита исключительно как чистого физика в духе ранних милетцев. Мыслитель-атомист V века до н.э. создал универсальную систему, в основе которой лежала новая концепция бытия. Не оспаривая

физической ориентации теорий великого атомиста античности, следует заметить, что чрезмерная физикализация его учения облегчала его перипатетическим критикам их работу по его опровержению. Противоречий между такими характеристиками атомов как чисто физических тел, как, с одной стороны, их фигурность, а, с другой, - их неизменность, использовались для критики атомизма уже самим Аристотелем. Конечно, основания для этого, видимо, дал сам Демокрит, так как у него онтология и физика оказались в

позиции взаимного наложения, если не прямого смешения, что не могло ускользнуть от более рафинированной рефлексивной мысли, нацеленной на четкую дифференциацию понятий.

Теперь присмотримся ближе к атомистической "пустоте" и к ее онтологическим значениям. Первые атомисты (начиная с Левкиппа, специфическое место которого в истории атомизма мы не обсуждаем) онтологизировали в духе элеатов физические начала, или элементы-стихии, ионийцев и, одновременно, физикализировали

онтологическое мышление
элеатов, резко
противопоставивших бытие и
небытие. Вместо огня, воздуха,
воды, земли - физических
элементов ионийской физики -
атомисты ввели отвлеченные
онтологические начала (атомы и
пустоту), которые по отношению к
"сущему" и "не-сущему" элеатов
выступают, напротив, как их явная
физикализация. Как остроумно
заметил Л.Робен, атомисты это -
"полуэлеаты Абдеры". Мир
ионийского становления и мир
италийского бытия они сумели
соединить в оригинальном

синтезе. В его основу ими был положен тезис о существовании не-сущего в качестве "пустоты", в которой носятся в вечном движении "неделимые", или атомы. Атомизм Левкиппа и Демокрита характеризуется относительно устойчивым равновесием онтологии и физики. Пожалуй, такой их гармонии мы не найдем у элеатов, у которых мир бытия совершенно разошелся с миром становления, то есть онтология разошлась с физикой. У милетцев же еще нет онтологии как логически выявленной, рефлексивно оформленной теории

бытия, хотя в неявной форме универсальной физики и космологии такая теория содержится, что затем и обнаружилось в последующем развитии философской мысли.

Онтология задает, или определяет, физику. Действительно, пустота как "нигде" есть условие всякого "где", то есть положения в пространстве, любой пространственной определенности физических тел. Это надо понимать в том смысле, что пустота выступает как онтологическое условие

пространства, без которого невозможна и пространственная определенность, требующая, однако, пространства в его структурированности, или неоднородности, задающей устойчивую систему отсчета. Поэтому пустота есть необходимое, но недостаточное условие пространственной определенности. Пустота же как "ничто" есть условие всякого "что", то есть всякого конкретного тела. От онтологии пустоты мысль последовательно шла к физике и геометрии пространства. Это движение к формированию

понятия геометрического пространства мы находим прежде всего у Платона⁹ .

Онтология элеатовского единства находится в конфликте с физическим многообразием природных явлений. Для преодоления такого рода конфликта атомисты вводят многообразие в онтологию. Поэтому их теоретико-философский синтез условно можно назвать физикой онтологического многообразия.

Позитивная связь онтологии и физики делается возможной в силу развития прежде всего самой онтологии. Мы уже говорили о том, что такое развитие предполагает формирование достаточно сложных структур онтологических представлений, включающих введение разных степеней и смыслов существования, разных модусов бытия, его иерархии и т.п. Начало этому процессу положили сами элеаты, оформляя в логике мысли понятие "не-сущего" (которому, однако, они не дали места в иерархии бытийных смыслов).

Атомисты же делают дальнейший шаг именно в этом направлении, признавая равное, хотя и другое по характеру, чем существование собственно сущего, существование не-сущего. Если понять этот особый статус существования не-сущего, то мы поймем тем самым и что такое атомистическая пустота в ее онтологическом измерении.

Онтология пустоты - онтология инобытия в его возможностях относительно бытия. Речь идет о целом ряде тех возможностей, которые создаются в бытии в

результате введения в его сферу при содействии понятия пустоты категории движения. В понятии атомистической пустоты как бы набрасывается проект будущих онтологических категорий - возможности, акциденции (в мире парменидовской онтологии акциденция невозможна) и др. Нарочито модернизируя ситуацию с атомистической пустотой, можно спросить, а атрибутом какой субстанции могла бы выступать пустота? Такой вопрос не без основания может показаться незаконным, так как сами атомисты называли свою

пустоту "небытием". Но вспомним, что само это "небытие" они называли сущим, или бытием. Пустота, таким образом, это парадокс бытия небытия. И поэтому, имея в виду весь объем ее парадоксальности, такой вопрос все же может иметь некий экспериментальный или эвристический смысл, позволяющий лучше понять эту парадоксальную онтологию (и физику). В качестве предварительного ответа можно сказать, что пустота есть атрибут бытия в целом. Действительно, если мы присмотримся к

свидетельствам об атомистах, то увидим, что самостоятельным статусом существования наделяется у них "великая пустота" (Диоген Лаэрт. IX, 6, 31). "Они утверждали - говорит Симпликий, - что не только в космосе есть некоторая пустота, но и вне космоса; ясно, что эта пустота уже не только место, но существует сама по себе" (ЛД, № 270, курсив наш - В.В.). Космосов у атомистов бесчисленное множество, и поэтому "великая пустота" есть атрибут бытия как бесчисленного множества миров. Она разделяет миры точно так же,

как внутрикосмическая пустота
разделяет атомы. Онтологическая
функция пустоты - служить
универсальным средством
разделения сущего.
Действительно, у атомистов
пустота выступает как синоним
понятия разделения. Например, об
этом свидетельствует Горгий у
Псевдо-Аристотеля: "Горгий
утверждает это..., говоря вместо
"пустота" разделение" (ЛД, №
166). В более полном переводе это
место у Лурье выглядит так:
"Горгий говорит, что в тех местах
существующего, где (тела)
отделены друг от друга,

отсутствует (присущее содержание), причем вместо "пустота" он говорит "отделены друг от друга"" (ЛД, № 252). Это означает, что пустота - совершенно необходимое в логике атомизма концептуальное средство для описания множественности на уровне бытия. Свидетельство Горгия, видимо, восходит к Аристотелю (ЛД. С. 460). Действительно, излагая учение элеатов и ответ, данный атомистами на вызов, в нем содержащийся, Аристотель говорит: "Множественности (вещей) не может быть, если нет

того, что отделяет (предметы) друг от друга, то есть если нет "отдельно существующей пустоты"" (О возн. и уничт., I, 8, 325a6).

Итак, основная функция атомистической пустоты - разделение тел. Об этом говорится и у Фемистия: "Пустота рассеяна среди тел, говорят Демокрит, и Левкипп, и многие другие, и, позже, Эпикур. Все они считают причиной того, что тела отделены друг от друга то, что они перемешаны с пустотой, так как, по их мнению, то, что воистину

непрерывно, неделимо" (ЛД, № 268, курсив наш - В.В.). Обратим внимание на такие выражения Фемистия - пустота "рассеяна" среди тел, или атомов, она с ними "перемешана". Иными словами, пустота мыслится здесь как своеобразная разделительная квазисубстанция, препятствующая вещам быть непрерывными, сплошными. Пустота как такая квазисубстанция выполняет и онтологическую, и, одновременно, физическую функцию. Однако, как мы видим, в такой функции, или роли, она отличается от пространства как

"поместительной" (а не "разделительной") способности бытия. Ведь пустота как разделительная способность ничего в себя на самом деле не помещает - она только обуславливает раздельное бытие вещей, поддерживает их взаимную обособленность друг от друга.

Но означает ли это, что в атомистической пустоте не было значений, из которых затем развилось представление о пространстве? Нет, не означает. Обращаясь к тексту Диогена об атомистах, можно ясно видеть, что

"великая пустота" служит не только средством не дать мирам "слипнуться" в единый ком, но и вместилищем для них. Действительно, Диоген говорит, что "тела впадают в пустоту" (IX, 6, 30), что они несутся в "великую пустоту" (IX, 6, 31). В отличие от Фемистия он не говорит о перемешивании тел с пустотой, о разделении и рассеивании их с помощью пустоты. Напротив, тела, скорее, сами рассеиваются в пустоте: "Легкие тела - говорит Диоген - отлетают во внешнюю пустоту, словно распыляясь в ней" (там же). Поэтому позднейшее

истолкование пустоты как пространства безусловно не было беспочвенным. Описание Диогеном образования миров у атомистов ясно показывает нам, что атомистическая пустота выполняет не только функцию разделения, "расталкивания" тел, но и функцию их "вместилища". Развитие греческой мысли внутри атомистической традиции (но не только в ее рамках) вело к повышению значимости пространственных смыслов атомистической пустоты, которая вначале понималась прежде всего как пустота-зияние, служащая

активным средством разделения тел. Эти коннотации пустоты идут во многом от традиции ранних пифагорейцев, на что прямо указывает Аристотель: "Пифагорейцы также утверждали - говорит Стагирит, - что пустота существует и входит из беспредельной пневмы ((tm)k toa ўре...rou pneЪmatoj) в небо, как бы вдыхающее (в себя) пустоту, которая разграничивает природные (вещи), как если бы пустота служила для отделения и различения примыкающих друг к другу (предметов). И прежде всего это происходит в числах, так как

пустота разграничивает их природу" (Физика, IV, 6, 213b 22-27). Кроме того Стобей сохранил для нас цитату из утраченного сочинения Аристотеля о пифагорейцах, в которой говорится, что у них вселенная "втягивает из беспредельного время, дыхание (pnosn) и пустоту, которая определяет места отдельных (вещей)" (DK, 58A30)¹⁰.

Обратим внимание на только что процитированное свидетельство: не тела входят в пустоту как вместилище, для них

существующее, а напротив, сама пустота втягивается телами с тем, чтобы они могли существовать отдельно, образуя гармоничное и развитое целое. Однако, есть и немалое различие в трактовке пустоты пифагорейцами и атомистами. Если у первых пустота явно активна, подвижна, выступает как своего рода "пневма", дыхание, дух, особый "воздух", то у вторых она обретает значение неподвижности (несутся в ней атомы). "По их теории - говорит Александр у Симпликия о Левкиппе и Демокрите - пустота неподвижна" (ЛД, № 304).

Появление статического значения у понятия пустоты в атомизме следует оценивать как один из первых шагов к пониманию ее как неподвижного и неизменного "контейнера" для тел, то есть как пространства в позднейшем смысле слова. Однако такое опространствление пустоты в явной форме в атомистической традиции происходит, видимо, только у Эпикура и Лукреция.

Другой путь к выявлению онтологических значений пустоты в связи с ее физическими значениями это - анализ пустоты

как противоположности атомам как "формам". Имея в виду именно этот аспект указанных понятий, Аристотель трактует пустоту у атомистов как "лишенность" (ЛД, № 249). В этом же плане анализа понятию пустоты соответствует понятие "беспредельного", которому в таблице пифагорейских противоположностей противостоит понятие "предела". Сюда же следует отнести те значения платоновской "хора", выступая в которых она противостоит миру идеальных образцов-эйдосов.

Мифологические корни понятия

пустоты, рассматриваемого в таком аспекте, можно найти в древних представлениях греков о "хаосе". Характеризуя эти представления, А.Ф.Лосев пишет: "Хаос все раскрывает и все развертывает, всему дает возможность выйти наружу, но в то же время он и все поглощает, все нивелирует, все прячет во внутрь"¹¹ . Хаос предстает как страшно зыбкая, темная неоформленность бытия, лишенная предела, основания, света, смысла. Отметим при этом, что хаос в его греческом прочтении воспринимается

именно через призму, условно скажем, пространственных коннотаций, явно нагруженных, однако, активным динамическим смыслом. Действительно, слово "хаос" происходит от сJskw-зеваю, разеваю. "Хаос поэтому, - пишет Лосев, - означает прежде всего "зев", "зевание", "зияние"" (Там же. С. 579). В русском языке корневая генетическая близость этих значений воспроизводится в близости самого их звучания ("зевание" и "зияние"). "Зевание-зияние", сочетающее в себе прапространственность и активность, указывает на тот

первоначальный смысл
атомистической пустоты, который
мы можем обнаружить у
пифагорейцев. Это "шевелиющееся
зияние" (вспомним Тютчева с его
стихами о "шевелищемся хаосе"¹²
, - мифологическая прародина и
платоновской "хора" и
атомистического "кенон". Таким
образом, мифологические корни
атомистической пустоты
скрываются скорее в традициях
хтонической дионисийской
Греции, чем в классической
Элладе с ее культом предела,
света, формы, завершенности.

Возможны ли онтология и физика без пустоты, позволяющие решить однако проблемы движения и множественности вещей? Да, конечно, и эта возможность была реализована прежде всего Платоном и Аристотелем. Скажем об аристотелевском варианте этого решения, поскольку именно Аристотель как никто из античных авторов занимался анализом атомистического учения и критикой его, подводя тем самым к своей концепции бытия и природы. Кратко говоря, исключение пустоты из онтологии

и физики требует, по Аристотелю, включения в онтологию категорий качества, возможности, принципа непрерывности. Как физическая категория пустота, как себе это можно представить, возникает как обобщение или предельная абстракция таких наблюдаемых свойств, как рыхлость тел, их проницаемость, податливость и т.п.¹³ . Но свойства, представленные в этих качествах тел, можно объяснить и по-другому, можем сказать мы, как бы реконструируя один из возможных ходов мысли Аристотеля, отказывающегося от понятия

пустоты как одного из главных понятий для понимания природы. Действительно, эти свойства и вытекающие из них физические явления (заполнение пор, проникновение тел в эмпирические наличные тела и т.п.), можно объяснить, если допустить, что существует не бесконечное множество однокачественных по субстанции тел (атомов), а множество разнокачественных тел, сохраняющих свою качественную определенность. Тогда такие качественные различия тел, несводимые друг к другу, и будут

объяснять нам мир физических явлений (подъем одних тел вверх, падение других вниз, сжатие тел, их растворение и т.п.). Такой ход мысли был уже у Анаксагора, предложившего своего рода качественную атомистику для решения проблем, поставленных элеатами. Если начала качественно однородны (атомизм), то требуется пустота для того, чтобы объяснить их движение и физические явления вообще. Но если начала мыслятся качественно разнородными (как, например, аристотелевские стихии, идущие от Эмпедокла), то пустота

оказывается ненужной.
Важнейшим физическим
принципом, выполняющим у
Аристотеля функцию
атомистической пустоты как
начала движения и разделения тел,
выступает принцип естественных
мест для элементов-стихий,
приводящий к неоднородности и
эпизотронности его Вселенной.
При этом тела у него разделяются
не пустотой, а другими телами¹⁴.

Последнее замечание, которым
мы хотели бы завершить наш
анализ, относится к отмеченному
выше переносу центра тяжести в

составе понятия пустоты от значения "зияния" к значению "вместилища" (пространства). Рост значимости пространственного смысла атомистической пустоты и сам обусловлен ростом удельного веса физики в целостном комплексе "онтофизики" (онтология плюс физика) и, в свою очередь, способствует увеличению значимости физики в атомистическом учении в целом. Это и происходит в истории атомизма при переходе от Левкиппа и Демокрита к Эпикуру и Лукрецию. Удаление от

элеатовской онтологии и пифагорейской космологии как бы восполняется событием эпикуровской физики, являющейся на самом деле теоретической "подпоркой" для практической этики, в которой и кроется весь пафос поздней атомистики.

Примечани

1 Шичалин Ю.А. Платон // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 497. Курсив наш - В.В.

2 Там же. Курсив наш - В.В.

3 Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970. № 198. Сокращ. ЛД.

4 Gobel K. Die vorsokratische Philosophie. Bonn, 1910. S. 313. Лурье. Цит. соч. С. 463.

5 Wilamowitz-Moellendorff V. von. Paton. Bd. 1. Berlin, 1929. S. 346.

6 Alfieri V.E. Gli atomisti. Bari, 1936. P. 99. Note 225.

7 Анализ "тонкой" структуры платоновской онтологии в целом и в особенности той, что содержится в Тимее, дан в работе П.П.Гайденко (Эволюция понятия науки. М., 1980. С. 142-178, 224-232), а также в работах Т.Ю.Бородай (Семантика слова chora у Платона // Вопросы классической филологии. № 8. 1984) и А.Л.Доброхотова (Категории бытия в классической

западноевропейской философии.
М., 1986. С. 43-84).

8 Аристотелю, видимо, можно верить в том, что, согласно его свидетельству, атомисты свою пустоту называли пространством или местом (Т JTB@l - Физика, IV, 1, 208b26 и там же, 213a15). Но он вряд ли прав, считая, что "место" они называли пустотой (ЛД № 172, здесь Симпликий излагает Аристотеля).

9 Гайденко П.П. Цит. соч. С. 174-175.

10 Die Fragmente der Vorsokratikern griechisch und deutsch von H.Diels. 16 Aufl. Hrsg. von W.Kranz. Bd. 1-3. Dublin-Zurich, 1972 (Сокр. DK).

11 Лосев А.Ф. Хаос // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 579.

12 Напомним, что у поэта, слушающего вой ночного ветра, "мир души ночной ... с беспредельным жаждет слиться". И поэт, смущенный его

"страшными песнями", закликает
ночной ветер:

О, бурь заснувших не буди -

Под ними хаос шевелится!

13 Эмпирический аргумент в пользу существования пустоты высоко ценил Аристотель, хотя принять его он не мог (Физика, IV, 6, 213b1-22).

14 Подробнее об этом см.: Визгин В.П. Механика и античная

атомистика // Механика в истории
мировой науки. М., 1993. С. 3-81.